

# Священномученик Анатолий, митрополит Одесский и Херсонский

память 23 января



Митрополит Анатолий (Гончарук)

родился 19 августа 1880 года в городе Кременце Волынской губернии в семье бухгалтера Кременецкого уездного казначейства Григория Грисюка и в крещении наречен был Андреем. Первоначальное образование Андрей получил в Кременецком духовном училище. В 1894 году он поступил в Волынскую Духовную семинарию, которую окончил в 1900 году и в тот же год поступил в Киевскую Духовную академию. 6 августа 1903 года Андрей Григорьевич был пострижен в Киево-Печерской Лавре в монашество с наречением ему имени Анатолий, 15 августа того же года рукоположен во иеродиакона, а 30 мая 1904 года — во иеромонаха. По окончании в 1904 году академии в числе первых студентов, иеромонах Анатолий был оставлен на год профессорским стипендиатом для подготовки к занятию вакантной кафедры общей церковной истории. 16 августа 1905 года он был определен на кафедру общей церковной истории в звании исполняющего должность доцента<sup>11</sup>.

В 1905-1906 годах иеромонах Анатолий находился в командировке при Русском Археологическом Институте в Константинополе, занимаясь научными исследованиями. От природы одаренный большими способностями, прекрасно знающий классические и некоторые восточные языки, всегда усердный и ревностный в исполнении своих обязанностей и на редкость трудолюбивый, иеромонах Анатолий скоро овладел предметом своей специальности и, благодаря лингвистическим познаниям, получил возможность работать с рукописями, написанными на древних языках. Любовью к истории и ее первоисточникам, неутомимым стремлением докопаться до каждой хронологической даты молодой иеромонах напоминал знаменитого историка Санкт-Петербургской Духовной академии Василия Васильевича Болотова, воспроизводя в своих ученых трудах почти все научно-

исследовательские приемы этого известного ученого. Архиепископ Антоний (Храповицкий) писал об ученой деятельности иеромонаха Анатолия: «Иеромонах Анатолий по церковной истории — талантливый, и хотя еще очень молодой, но широко осведомленный преподаватель. Он становится хозяином не только в истории событий церковной жизни, но и вообще в богословии, то есть в Священном Писании и патрологии. Обладая прекрасно выработанным, точным и метким языком, он успевает в продолжение одной лекции изложить множество событий, дать несколько сильных характеристик, пояснить сущность самого отвлеченного предмета, например богословских споров IV века. Держась строго православного учения, отец Анатолий, однако, обладает мыслью смелой и не подчиняется литературным пособиям, но распоряжается ими, как установившийся уже ученый»<sup>[2]</sup>.

4 августа 1911 года иеромонах Анатолий был удостоен степени магистра богословия за сочинение «Исторический очерк сирийского монашества до половины VI века». По отзывам рецензентов, этот труд, касаясь мало разработанной в церковно-исторической науке области, отличается неоспоримыми достоинствами. Чтобы собрать исторические сведения о подвижниках и киновиях Сирии на протяжении почти четырех веков, автору пришлось употребить огромные усилия на поиск и изучение документов. Осведомленность его настолько широка, что всякий, кто захотел бы работать после него в области истории сирийского монашества, мог бы довериться результатам его труда совершенно.

О труде иеромонаха Анатолия по истории сирийского монашества один из рецензентов писал: «Основательное знакомство с первоисточниками и обширной литературой по данному вопросу, глубокое проникновение в дух сирийского отшельничества, ясность мысли и колоритность языка отличают труд автора и делают его ценным вкладом в литературу этого предмета»<sup>[3]</sup>.

29 августа 1911 года отец Анатолий был возведен в сан архимандрита. Осеню того же года Комиссия по присуждению премий митрополита Макария (Булгакова) рассмотрела труды наставников академии, напечатанные в академическом журнале за 1910 год. Были рассмотрены сочинение отца Анатолия «Исторический очерк сирийского монашества до половины VI века» и его статьи «Памяти профессора В.В. Болотова (по поводу 10-летия со дня смерти)», «Профессор Амфиан Степанович Лебедев», и была присуждена премия имени митрополита Макария.

В октябре 1911 года состоялось заседание совета Киевской Духовной академии, на котором было заслушано заявление профессора протоиерея Ф. Титова. «Я считаю своим долгом, — сказал он, — как представитель церковно-исторической науки в академии, указать на доцента архимандрита Анатолия как именно на такого доцента, который

вполне заслуживал бы удостоения его званием экстраординарного профессора. Архимандрит Анатолий служит в академии уже семь лет. Он всем известен как отличный преподаватель и руководитель студентов в занятиях их церковно-исторической наукой. Наконец, всем членам совета, без сомнения, известно то крайне стесненное материальное положение, в каком он находится, получая содержание, присвоенное должности доцента академии»<sup>[4]</sup>.

Профессор Ф. Титов предложил совету академии ходатайствовать перед Святым Синодом о присвоении архимандриту Анатолию звания экстраординарного профессора сверх штата. В этой должности он был утвержден указом Синода 11 января 1912 года, а с 18 мая переведен на должность штатного экстраординарного профессора. Совет Киевской Духовной академии постановил присудить архимандриту Анатолию премию имени профессора В.Ф. Певницкого за проповеди, произнесенные на пассиях в течение Великого поста 1912 года. 8 июня 1912 года архимандрит Анатолий был переведен на должность инспектора и экстраординарного профессора Московской Духовной академии<sup>[5]</sup>. 30 мая следующего года он был назначен на должность ректора Казанской Духовной академии.

В 1913 году в день памяти первоверховых апостолов Петра и Павла в кафедральном храме Христа Спасителя в Москве архимандрит Анатолий был хиротонисан во епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. В хиротонии принимал участие сонм архиереев, возглавляемый митрополитом Московским Макарием (Невским).

С необычайной торжественностью начался учебный год в Казанской академии для студентов, ректора и преподавателей. Вечером 5 сентября епископ Анатолий совершил в обновленном академическом храме всенощное бдение. Наутро был отслужен водосвятный молебен, совершено освящение храма и возложено на престол серебряное облачение. После этого был крестный ход вокруг здания академии. Литургию совершал архиепископ Казанский Иаков (Пятницкий) в сослужении преосвященного Анатолия, профессоров и студентов академии, имевших священный сан<sup>[6]</sup>.

В середине сентября епископ Анатолий отправился в Петербург хлопотать перед Святым Синодом о предоставлении дополнительных сорока тысяч рублей, необходимых для ремонта академических зданий. В Петербурге епископ Анатолий вручил диплом на звание почетного члена Казанской Академии преосвященному ректору Санкт-Петербургской Духовной академии епископу Анастасию (Александрову), а в Москве им был вручен подобный диплом великой княгине Елизавете Федоровне.

Отечественная война, начавшаяся в августе 1914 года, своими последствиями не обошла и Казанскую епархию. 16 августа 1914 года в Казани был учрежден комитет о нуждах войны под председательством

епископа Чистопольского Анатолия. Преосвященный Анатолий обратился к духовенству с предложением доставлять ему сведения о попечительных советах, призывал к пожертвованиям на проектируемый при академии лазарет имени Казанской Духовной академии на десять-пятнадцать воинов и просил всех приходских пастырей увещевать прихожан помогать бедным, оставшимся без работников, семьям. Монастыри епархии постановили открыть в Казани свои лазареты. Приходские попечительные советы к ноябрю 1914 года были учреждены в 434 приходах, а к июлю 1915 года в 664 из 672 приходов епархии. Линия фронта отодвигалась на восток, и Казань готовила приют для преподавателей и учащихся Киевской Духовной академии, Волынского женского училища духовного ведомства и насельников Киево-Братского монастыря. Епархиальный съезд, проходивший в Казани с 18 по 26 августа 1915 года, постановил, чтобы все духовенство епархии ежемесячно делало взнос на оказание помощи беженцам<sup>[7]</sup>.

В первые месяцы войны общество, казалось, очнулось от спячки и люди потянулись для молитвы в храмы. Церковные службы в это время отличались особенной торжественностью, на ектениях провозглашались нарочитые прошения о даровании российскому воинству победы, постоянно служились заупокойные субботние литургии и панихиды по павшим на поле брани за родное Отечество воинам. В селах устраивались торжественные проводы ратников ополчения. Начинались они благовестом большого колокола, затем все прихожане собирались в храм, к ним обращался со словом их пастырь, и служился молебен. В конце молебна поименно поминались все отправлявшиеся на военную службу. После молебна крестный ход вместе с ополченцами и всеми провожавшими шел на окраину селения, где вновь возносились усердные молитвы о здравии и спасении призываемых на защиту Отечества. В городах такие молебны совершались не в храмах, а на площадях.

28 октября 1915 года Казанскую Духовную академию посетила великая княгиня Елизавета Федоровна, которая приехала в Казань на погребение своего духовника схиархимандрита Гавриила (Зырянова)<sup>[8]</sup>. Отпевали великого старца и подвижника в академическом храме. Отпевание совершил архиепископ Казанский Иаков в сослужении епископа Чистопольского Анатолия, епископа Каширского Иувеналия (Масловского) и епископа Чебоксарского Бориса (Шипулина).

С приходом к власти в 1917 году большевиков началось гонение на Русскую Православную Церковь. Указом советского правительства в России в 1918 году были закрыты все духовные учебные заведения. Осенью 1918 года Высшее Церковное Управление при Патриархе Тихоне посоветовало преосвященному Анатолию воспользоваться тем, что советское правительство дозволило «обучаться религии» частным образом. Заведующий Казанским губернским отделом народного образования Максимов в свою очередь согласился с существованием

подобного частного учебного заведения. Епископу Анатолию были выданы официальный штамп и государственная печать. Поскольку здание академии было отобрано, то лекции читались на дому у профессоров, а совет Казанской Духовной академии собирался на квартире ее ректора, епископа Анатолия. Содержалась академия сначала на средства, бывшие у нее до издания новой властью декрета, упразднившего все духовные школы, а затем на церковные пожертвования и на отчисления Высшего Церковного Совета.



Владыка писал в феврале 1919 года Николаю Никаноровичу Глубоковскому<sup>[1]</sup>: «...пока, слава Богу, библиотека в наших руках и взята под свою защиту Архивной Комиссией. Половина наличных студентов (человек двадцать) и Ваш покорный слуга, а равно и канцелярия, помещаются в здании академическом. В главном здании заразный госпиталь, почему пришлось отказаться даже от академической церкви и перейти в приходскую. Треть корпорации находится по ту сторону фронта, а трое в Москве. Остальные профессора почти все служат на советской службе и сравнительно немногие на епархиальной или совмещают должности в академии...»<sup>[2]</sup>

Епископ Анатолий поддерживал регулярную переписку с Патриархом Тихоном, испрашивая его благословения на те или иные действия по академии, а также ставя Святейшего в известность обо всем в ней происходящем.

К 1921 году ВЧК удалось установить контроль над перепиской Патриарха Тихона и получить доступ к адресованным на его имя официальным документам. В марте 1921 года в ВЧК попали письма епископа Анатолия, касающиеся деятельности Казанской Духовной академии. Ознакомившись с ними, заместитель председателя ВЧК вместе с юрисконсультом ВЧК Шпицбергом направили записку начальнику 8-го отдела наркомюста Красикову. Они писали: «Из переписки епископа Анатолия на имя Патриарха Тихона усматривается, что в Казани до сих пор существует Духовная академия, подчиняющаяся идейным и

служебным директивам Патриарха... мы полагаем, что наличие в Казани подобного очага мракобесия, руководимого духовно-административным центром... нежелательна. Просим вас принять меры к пресечению дальнейшей деятельности указанного учреждения»<sup>[9]</sup>.

26 марта ВЧК арестовала епископа Анатолия. Были допрошены как сам владыка, так и все профессора академии. Выяснилось, что академия действительно существует, идут занятия и лекции, проводится набор учащихся, профессора получают денежное вознаграждение за свою преподавательскую деятельность, регулярно в квартире епископа собирается совет академии, который обсуждает вопросы о назначении профессоров, об отпуске и увольнении их, о приеме и увольнении студентов, о порядке и системе занятий и тому подобном. Однако если ВЧК состав профессоров удалось установить точно, то имен обучающихся так и не удалось узнать. При всех обысках сотрудники ВЧК не нашли списков студентов, а на допросах ректор и профессора заявили, что такие списки и не велись и они даже не могут указать точно число студентов, но, во всяком случае, их было не менее пятнадцати и не более тридцати. На вопрос следователя, предпринимались ли меры к легализации академии, епископ Анатолий ответил, что вовсе не считал нужным предпринимать какие-либо действия в этом отношении, так как считал существование академии вполне легальным и дозволенным именно в силу того, что она не была упразднена советской властью.

Епископ Анатолий был приговорен к одному году принудительных работ и освобожден через девять месяцев, так как ему зачли срок предварительного заключения.

28 февраля 1922 года преосвященный Анатолий был назначен на Самарскую кафедру. 24 февраля 1923 года в квартире епископа был произведен обыск, во время которого сотрудник ОГПУ вынул из-за шкафа сверток с воззваниями от имени епископа Анатолия, напечатанными на машинке, причем и подпись владыки была напечатана. Тогда же был произведен обыск в квартире одного из городских священников, и в прихожей на вешалке были найдены точно такие же послания, отпечатанные на машинке. В ту же ночь епископ Анатолий и священник были арестованы.

Во время следствия владыка сумел убедительно доказать, что это воззвание является фальшивкой и ему не принадлежит. 4 августа того же года он был освобожден, а фальшивое послание сотрудниками ОГПУ уничтожено. По его освобождении Патриарх Тихон возвел его в сан архиепископа, и вскоре, 18 сентября, Самарское ОГПУ вновь арестовало владыку. Теперь он был обвинен в распространении антисоветских слухов и выслан в административном порядке в Туркмению в город Красноводск на три года.

Находясь в ссылке, архиепископ писал Александру Ивановичу Бриллиантову<sup>[10]</sup>:

«Глубокоуважаемый профессор Александр Иванович!  
Не зная Вашего теперешнего адреса, пишу Вам с оказией. Постоянно вспоминая Вас как авторитетного представителя науки древней церковной истории, к которой и я был прикосновен, я непрестанно памятую и о Вашем славном учителе и предшественнике, незабвенном Василии Васильевиче Болотове. В нынешнем 1925 году, в Великую Субботу, исполняется четверть века со дня его сравнительно ранней смерти, столь прискорбной для русской церковно-исторической науки. Если бы была цела Петроградская Духовная академия, то, несомненно, эта дата была бы почтена подобающим образом. Но теперь пережившие и ее смерть будут разрозненно вспоминать утрату великого ученого, объединяясь только в чувстве признательности к нему. В этом духовном объединении позвольте считать и пишущего эти строки... Вечная ему память и покой в Церкви торжествующей! А что до нас, то мы теперь не столько изучаем древнюю церковную историю, сколько являемся жертвами трагизма новейшей русской церковной истории... Мы делаем историю, а не пишем ее: 1923 год в нашей церковной истории напомнил нам 449-й. А теперь говорят даже о Восьмом Вселенском Соборе! Все теории акривии<sup>[14]</sup> и крайней икономии<sup>[15]</sup> представлены у нас в лицах. Иной раз думаешь — не грозит ли русскому православию печальная участь древней североафриканской или древнесирийской Церкви, притом от причин не столько внешних, сколько внутренних, унаследованных от прежнего периода нашей церковной истории. Будущий Поместный Собор, если он состоится в ближайшее время, будет очень бурным. Когда утихомирится взволнованное море, когда выйдет из испытания истории наша родная Церковь, — ведомо Самому Богу, Которому и будет молиться Ваш покорный слуга...»<sup>[16]</sup>



В 1927 году, по окончании срока ссылки, архиепископ Анатолий вернулся в Самару и был назначен постоянным членом Священного Синода при заместителе Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском). В 1928 году высокопреосвященный Анатолий был назначен на кафедру в Одессу, куда он прибыл 1 июня. 21 октября 1932

года, ввиду исполнившегося пятилетия деятельности Священного Синода, возглавляемого митрополитом Сергием, все члены Синода, имевшие на тот момент сан архиепископов, в том числе и архиепископ Анатолий, были возведены в сан митрополитов с предоставлением права ношения белого клобука и креста на митре.

Время служения митрополита Анатолия в Одессе совпало с одним из тяжелейших периодов гонений на Русскую Православную Церковь. Это была новая волна закрытия храмов и арестов священнослужителей, начавшаяся в 1929 году. В некоторых областях, особенно в Молдавии, входившей тогда в состав Одесской епархии, были закрыты почти все храмы. Самого митрополита беспрестанно вызывали на допросы в НКВД, иногда поднимая с постели глубокой ночью. Бывало, что представители властей являлись в храм во время праздничного богослужения с требованием, чтобы митрополит немедленно прибыл в НКВД. Кроткий и смиренный в обычное время, владыка в этих случаях твердо отвечал, что не прервет богослужения и явится туда только после его окончания. После праздничного богослужения митрополит ехал в НКВД, где его в отместку за неисполнение требования немедленной явки заставляли ждать по полтора часа в коридоре. Затем следователь приглашал митрополита Анатолия в кабинет и начинал издеваться над ним, кричал и топал ногами, а затем отпускал домой.

В 1931 году в Одессе были арестованы и приговорены к различным срокам заключения более двадцати священнослужителей, бывших лучшими проповедниками города. На глазах митрополита происходило дерзкое и кощунственное закрытие и уничтожение храмов. Были взорваны величественный Преображенский кафедральный собор, военный Свято-Сергиевский собор, храм святителя Николая в порту и другие.

В начале июня 1936 года по распоряжению власти была закрыта Михайловская церковь. В середине июня в Дмитриевском храме, что на новом кладбище, с раннего утра собралась огромная толпа людей. Настоятель храма священник Сергий Лабунский стал выяснять, по какой причине собралось столь значительное число верующих. Кто-то ответил, что здесь, в храме, должно состояться собрание по поводу открытия Михайловской церкви, так как абсолютное большинство верующих не согласно с ее закрытием. Настоятель, почувствовав угрозу провокации, стал убеждать собравшихся, что никакого собрания не будет и распространение слухов о будто бы назначенному собрании — дело рук злоумышленников. После этого некоторые из толпы стали упрекать настоятеля в том, что он не защищает интересы прихожан Михайловской церкви. К девяти часам утра в храм прибыл митрополит Анатолий, собираясь служить Божественную литургию. Настоятель сообщил митрополиту, что кто-то распускает слухи о предстоящем будто бы собрании по поводу Михайловской церкви и в связи с этим пришло много

верующих. Митрополит Анатолий ответил, что ему ничего о назначении собрания не известно. Между тем толпа все увеличивалась, назревало возмущение против властей. Изыскивая выход, настоятель прошел в контору кладбища узнать у администрации, назначено ли на настоящий день такое собрание. Но и здесь ему ответили, что им ничего не известно. Вернувшись в храм, священник сообщил обо всем этом митрополиту Анатолию и просил его принять какие-нибудь меры.

— Что же вы хотите, чтобы я сделал? — спросил митрополит.

— Выступите перед верующими с амвона и разъясните создавшееся положение и к чему может привести такое собрание, устраиваемое без разрешения властей. Если вы выйдете, то вам удастся убедить верующих разойтись.

Владыка отказался уговаривать верующих разойтись. В конце концов к народу вышел сам настоятель и от лица митрополита стал убеждать верующих не устраивать собрания. Во время его речи из алтаря вышел владыка. Он остановился на солее и стоял, не произнося ни слова. Речь священника, отговаривающего устраивать собрание, и вид митрополита, молча слушающего настоятеля и таким образом подтверждающего все, что тем говорилось, подействовали на верующих. Слишком велик был авторитет и почитаема личность митрополита Анатолия как мужественного архипастыря и ревностного подвижника, чтобы православные предприняли что-либо вопреки его благословению. Его горестное молчание было красноречивее слов.

Через полтора месяца после этого, в ночь с 9 на 10 августа 1936 года, митрополит был арестован и 13 августа заключен в следственную тюрьму в Киеве. Сразу же начались допросы.

— Следствие располагает данными о том, что вы проводили антисоветскую агитацию среди духовенства и церковников города Одессы. Припомните факты антисоветской агитации, проводимой вами.

— Антисоветской агитации я не вел. Однако припоминаю случай, когда я в беседе с моим секретарем... в связи с закрытием церквей в епархии... выразился, что это положение не имеет сравнения в отечественной церковной истории. При этом я сказал, что во времена татарского нашествия если разрушались церкви, то разрушались и города, теперь же города развиваются, украшаются, а церкви закрываются и некоторые разрушаются. Затем был случай, когда, подводя итоги закрытия церквей, в частности в Молдавии, я... сделал замечание, что это — разгром церковной организации.

— Следствие располагает данными о том, что вы были связаны с представителями Ватикана и вели с ними переговоры об установлении контакта восточных и западных Церквей с целью объединения православия и католицизма для создания единого антисоветского фронта. Расскажите, при каких обстоятельствах была установлена такая связь и при посредстве кого именно.

— Связи с представителями католической Церкви я не имел и никаких переговоров об объединении православных и католиков не вел. Заявляю, что я убежденный антикатолик и по своим религиозным воззрениям, как православный архиерей, не мог вести таких переговоров.

— Вы обвиняете в том, что, во-первых, проводили работу, направленную к созданию антисоветского блока путем воссоединения восточной и западной Церквей на основе унии с подчинением Русской Православной Церкви папе Римскому, и, во-вторых, систематически вели антисоветскую агитацию, используя религиозные предрассудки масс в контрреволюционных целях. Признаете ли вы себя виновным?

— В первом пункте виновным себя не признаю. По второму пункту, кроме выражений в частных беседах, могущих быть истолкованными при известном освещении как проявление моей антисоветской направленности, виновным себя не признаю.

8 октября следствие было закончено. Узнав об окончании следствия и о том, что в обвинительное заключение попали все те формулировки бездоказательных обвинений, какие ему пытался навязать следователь, митрополит Анатолий написал заявление начальнику 8-го отделения СПО НКВД Украины Иванову, который вел следствие, прося передать его заявление вместе с делом прокурору по спецделам и в Особое Совещание при НКВД СССР. В нем митрополит Анатолий писал: «Сообщенные мною самим выражения из частных моих бесед с одним лицом, взятые вне контекста или связи, при известном освещении могут быть истолкованы как проявление моего антисоветского настроения и в устах легкомысленного человека могли при передаче быть использованы в этом недобром смысле, но в моих собственных устах они, эти выражения, были лишь плодом моего глубокого недоумения пред фактом резкого и в некоторых местах порученной мне епархии сплошного, почти на 100%, закрытия церквей и плодом чувства огорчения, очень естественного во мне перед лицом этого факта. Выражения же из свидетельских показаний, приведенные в доказательство моей антисоветской агитации, или вырваны из связи, или искажены, или просто не соответствуют действительности. В официальных же своих выступлениях по роду своей службы, в сношениях с церковными общинами и их представителями и с должностными советскими представителями я оставался, смею думать, всегда в пределах строгой лояльности и корректности...

Настоящее заявление я покорно прошу иметь в виду при окончательном решении моего дела и при определении мне наказания, причем в последнем случае я просил бы иметь в виду и мой возраст (мне идет пятьдесят седьмой год) и состояние моего здоровья»[\[11\]](#).

Состояние здоровья митрополита в это время было тяжелым: у него была запущенная форма язвы желудка, в тюрьме за несколько месяцев болезнь обострилась, и положение стало критическим. Из близких

родственников у него к этому времени осталась только сестра Раиса, посвятившая заботе о владыке всю свою жизнь, — она сопровождала его начиная с Казани. Узнав о тяжелом положении брата, она стала хлопотать о том, чтобы ей разрешили передавать ему молоко и горячую пищу, приложив к ходатайству справку от врача и рентгеновские снимки. Разрешение было дано. После окончания следствия Раиса Григорьевна стала добиваться разрешения на свидание с братом, которое в конце концов было получено, благодаря ходатайству перед властями митрополита Киевского Константина (Дьякова). На свидание надзиратели вывели митрополита Анатолия под руки — владыка почти не владел ногами.



16 декабря 1936 года Главное Управление Государственной Безопасности затребовало митрополита Анатолия в Москву, и через день он был доставлен в Бутырскую тюрьму. Все у него уже было собрано для жизни в неволе. При нем были: чемодан, ватная поддевка, белый в полоску подрясник, шарф, черные валенки с калошами, четыре полотенца, простыня, подушка с наволочкой, старое шерстяное одеяло, детская маленькая перина, думочка, рваная холщовая сумка, эмалированная миска, чайная ложка, маленький чемоданчик, мыльница, осколок зеркала, карандаш, деревянный крест, маленькая дорожная иконка, четки, монашеский пояс и драгоценнейшее из всего — Новый Завет.

Следователи НКВД пытались добиться от митрополита подтверждения своим ложным домыслам — будто он встречался с высокопоставленным католическим деятелем на предмет организации антисоветской работы, сбора информации антисоветского содержания, предназначенной для Ватикана, а также перехода в католичество. Владыка Анатолий все эти обвинения категорически отверг.

21 января 1937 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило митрополита Анатолия к пяти годам заключения в лагерь<sup>[12]</sup>. 27 января он был отправлен этапом в распоряжение Ухтпечлага НКВД. Этапы

только часть пути проезжали по железной дороге, затем узники шли пешком — по снегу в суровых условиях зимы, близких к заполярным. Большой митрополит с трудом передвигался, и охрана подгоняла его по дороге прикладами, не давая времени отдохнуть. Когда он падал, ему разрешали сесть в кузов грузовика и везли до тех пор, пока он не приходил в себя, а затем вытаскивали из кузова и снова гнали пешком. 14 февраля 1937 года этап прибыл в Кылтовскую сельхозколонию в Коми. Первое время митрополит не работал, так как не хватало конвоя для сопровождения. В мае его стали выводить на общие работы. В характеристике лагерное начальство писало: «Работает добросовестно, к инструменту отношение бережное. Дисциплинирован. Качество работы удовлетворительное»<sup>[13]</sup>. В июне митрополит Анатолий заболел крупозным воспалением легких, и сестра владыки стала добиваться, чтобы ей разрешили свидание с братом. Во время болезни владыка писал ей: «Умоляю тебя, прими все меры, даже сверхвозможные, добейся, умоли, упроси, устрой наше свидание. Жажду перед смертью увидеть родное лицо и благословить тебя»<sup>[14]</sup>.

Разрешение на трехчасовое свидание в присутствии конвоя было получено, но когда Раиса Григорьевна прибыла в Усть-Вымь, в свидании ей отказали. Со скорбным сердцем возвращалась она домой. В это время владыка тяжело болел, и администрация лагеря дала ему такую характеристику: «Работает на общих работах. Норму не выполняет. К инструменту относится небрежно. На производстве дисциплинирован. В общественной работе участия не принимал. В быту дисциплинирован. Небрежен к общественному обмундированию. За плохой труд имеет предупреждение»<sup>[15]</sup>.

Наступила осень, затем зима. Здоровье владыки, от природы слабое, все более ухудшалось; давало о себе знать и перенесенное воспаление легких. В октябре митрополит Анатолий был признан инвалидом и освобожден от работы, но в ноябре его снова вывели на общие лагерные работы. В конце концов болезни, недоедание и каторжный труд привели к тому, что он почти ослеп и в ноябре-декабре 1937 года не смог выполнить норму. Администрация лагеря написала: «Работу выполняет на 62%. По старости работает слабо, но старается»<sup>[16]</sup>.

В январе 1938 года состояние здоровья митрополита ухудшилось настолько, что он был помещен в Кылтовскую лагерную больницу. 23 января 1938 года в 17 часов 10 минут митрополит Анатолий скончался. Перед самой смертью от владыки потребовали, чтобы он отдал Евангелие и нательный крест, с которыми он был в тюрьме и в концлагере, — митрополит отказался. Евангелие вырвали из его рук силой, но крест он не отдал и, защищая слабеющими руками грудь, предал свою праведную душу Господу<sup>[17]</sup>.

## Примечания

[\[a\]](#) Преподобный Гавриил (Зырянов; 1844-1915), прославлен в лице местночтимых святых Казанской епархии.

[\[b\]](#) Глубоковский Николай Никанорович (1863-1937), выдающийся богослов и историк. Профессор Священного Писания Нового Завета в Санкт-Петербургской Духовной академии до ее закрытия в 1918 году. Умер в Софии.

[\[c\]](#) Бриллиантов Александр Иванович, 1867-1930 (1933?), преемник В.В. Болотова († 1900) по кафедре общей церковной истории в СПбДА. В течение 12 лет занимался редактированием и изданием капитального труда Болотова «Лекции по истории древней Церкви». В 1930 году был арестован вместе со многими другими сотрудниками Российской Академии наук, умер во время этапа на пути в Свирлаг.

[\[d\]](#) Акривия — принцип решения церковных вопросов с позиции строгого соблюдения чистоты православия

[\[e\]](#) Икономия — принцип решения церковных вопросов с позиции снисхождения, практической пользы, удобства.

[\[f\]](#) РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 77, л. 1-13; д. 69, л. 1-3.

[\[g\]](#) Архимандрит Антоний. Отчет по высочайше назначеннай ревизии Киевской Духовной Академии в марте и апреле 1908 года. Почаев, 1909. С. 46.

[\[h\]](#) Труды Киевской Духовной Академии. 1913. Кн. IX, сент. С. 92.

[\[i\]](#) Там же. 1912. Кн. VII-VIII, июль-авг. С. 159-160.

[\[j\]](#) Там же. 1913. Кн. I, янв. С. 35.

[\[k\]](#) Церковный вестник. СПб., 1913. № 28. С. 871.

[\[l\]](#) Прибавления к Церковным ведомостям. СПб., 1917. № 6. С. 129-130.

[\[m\]](#) Сосуд избранный. История российских духовных школ. СПб., 1994. С. 259-260.

[\[n\]](#) ЦА ФСБ России. Д. Н-1780. Т. 6, л. 129.

[\[o\]](#) Сосуд избранный. История российских духовных школ. СПб., 1994. С. 330-332.

[\[p\]](#) УСБУ в Одесской обл. Д. 17501-П.

[\[q\]](#) ИЦ МВД Архангельской обл. Д. 269-П-38, л. 103.

[\[r\]](#) Там же. Л. 19.

[\[s\]](#) Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Т. 1. Джорданвилл, 1949. С. 155-156.

[\[t\]](#) ИЦ МВД Архангельской обл. Д. 269-П-38, л. 21.

[\[u\]](#) Там же. Л. 22.

[\[v\]](#) Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Т. 1. Джорданвилл, 1949. С. 156.